

Ольга Дерябина

Триллер

Жажда

18+

Ольга Дерябина

Мираж

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дерябина О. С.

Мираж / О. С. Дерябина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

У четырех влиятельных людей города пропадают близкие родственники. Они одновременно решают сбежать в отпуск и оказываются вне зоны доступа для всех. Микроавтобус, в который они садились, нашли сожженным. Единственная подозреваемая оказалась не той, за кого себя выдавала. В чем может быть причина? В семейных ссорах? Давней вражде? Громком уголовном процессе против банды отморожков? Пока ведутся поиски режиссера тщательно спланированного плана, выясняется, что пропавших отдыхающих в разы больше.

Содержание

Глава 1. Побег	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1. Побег

Алиса Ковальская шла по белому песку, граничащему с краем океана. Ранним утром хрустящий настил побережья дарил приятную прохладу молодой путешественнице. Она улыбнулась, наслаждаясь чистым солоноватым воздухом, ласковым солнышком и прекрасным видом, как на картинках из рекламного буклета.

Чуть дальше, над бирюзовой поверхностью, находилось ее бунгало по соседству с другими, хозяева которых продолжали пребывать в царстве Морфея. Алиса намеренно выбрала домик над водой, чтобы максимально насладиться присутствием Индийского океана, иметь возможность в любой момент окунуться в его штиль и слушать шепот волн по ночам.

Она шла, улыбаясь началу нового дня и своим мыслям. Все-таки правильно она сделала, что рванула на Мальдивы. Сейчас ей больше всего хотелось оказаться в райском местечке, где можно было успокоиться и привести в порядок свои мысли.

Алиса усмехнулась, представив реакцию мужа на ее отсутствие. Молодая жена, из которой он воспитывал кроткую послушную овечку, неожиданно приняла свое решение. Она, конечно, оставила записку, что с ней все в порядке и она просто решила отдохнуть, предупредила родителей, чтобы не волновались. Но всемогущий супруг, привыкший всех и вся держать под собственным тотальным контролем, вряд ли смирится с таким положением вещей. Оставалось надеяться, что часть неожиданного отпуска ей удастся провести без него.

Она продолжала идти по берегу. Теплая вода едва касалась ее узких ступней, будто зазывая с собой, в прозрачную пучину. Алиса посмотрела на солнечные блики, которые словно улыбались и подмигивали.

Зажмурившись, девушка вспомнила другие блики – хрома, стекла, украшений, блестящих дорогих тканей, с чего все и началось.

Первокурсницу академии культуры пригласили на городской конкурс красоты. Инициатор, главный организатор и стержень традиционного мероприятия случайно увидел ее на улице. Алиса раньше видела его по телевизору – импозантный Владик Керж. У него был свой стиль и своя манера общения, знакомая даже далеким от моды и подиумов людям. Только благодаря его известности Алиса не приняла незнакомца в широком берете и шарфе за психа или маньяка.

– Сударыня, миленькая, будущая властительница моих снов, какой у тебя рост? – Керж остановился, подняв руки, словно за секунду до горячих объятий. Сам он был невысоким и с круглым брюшком.

– Вы хотели спросить, как меня зовут? – Алисе стало смешно.

– Не сочти за неадекватность, но и это тоже, – повелитель местных красавиц ожидал ответа на свой вопрос – первый.

– Выше среднего, но до дылды еще расти, – студентке хотелось подразнить известного горожанина.

– Ай-яй-яй, слова-то какие пакостные – дылда! Ты настоящих дылд не видела, – Керж смешно нахмурился и погрозил пальцем. – Я ж со своей светлой душой и чистыми намерениями, а вы, сударыня, грубить изволите, – собеседник сделал вид, что обиделся.

– Простите, – примирительно улыбнулась девушка. – Меня зовут Алиса, рост метр семьдесят шесть, талия 59 сантиметров.

– Богиня! – Керж поднял руки и глаза к небу. – Что же вы, голубушка, красоту свою под пальтами прячете? Это кощунственно и, не побоюсь этого слова, преступно! Добро пожаловать на наш конкурс!

– Вы всех так агитируете? – Алиса улыбалась, ей было приятно, что «маэстро красоты» обратил на нее внимание.

– Только перспективных, – Керж взял девушку за плечи, повернул спиной и оценивающе изучил тыл, задержавшись на волосах. – Прелестно, прелестно! Только не вздумай обкромсать и челку вырезать. В блонди тоже не надо краситься, ты – натурель брюн, – последние слова он произнёс на французский манер. – Найс, найс!

Алиса посмотрела на часы: на конкурс она не собиралась, а вот на пары могла опоздать.

– Да, я тоже рискую опоздать, – жест не остался незамеченным. – Меня зовут просто Владик. Придешь завтра, нет, послезавтра на отбор. Приму без очереди. Можешь не обращать внимания на всю толпу, а прокричать мне: «Владик, ангел мой неземной, король сладострастный, судия непоколебимый, я пришла по твоему зову!»

Студентка засмеялась.

– Можешь, конечно, что-то другое придумать, но тебе же нужно, чтобы я услышал? – Керж заговорщицки посмотрел на нее, хитро улыбнулся, дважды дернул бровями вверх и аккуратно положил невесть откуда взявшуюся визитку, украшенную блестками, в кармашек девушки. – Для протокола уточню: прекрасная Алиса учится здесь? – организатор конкурса указал на старинное четырехэтажное здание с висящими круглыми часами, напоминающими о приближении занятий.

– Да, здесь.

– Считай, что явки-пароли я знаю. И теперь вам, мадемуазель, не избежать своей участи!

Он коснулся пальцами в вязанных перчатках своих губ, перенесся поцелуй на висок Алисы.

– Не смею больше задерживать, – Керж смешливо поклонился и направился дальше. Правда, через пару шагов повернулся. – Про ангела не забудь! Оревуар!

Алиса с улыбкой наблюдала за его танцующей походкой. Затем вынула визитку из кармашка в качестве доказательства, что все это ей не привиделось. Среди блесков ей улыбался Керж.

– Да нет, какие конкурсы! У меня учеба, – девушка вернула прямоугольник в пальто и поспешила к входу, с удовольствием наблюдая за своей стройной грациозной тенью и отражением в массивных окнах.

Сейчас она тоже любовалась своей тенью – на песке, стройный темный силуэт щекотали белые барашки океана. Как давно все это было, а ведь и трех лет не прошло. Керж – она так и не узнала: это его настоящая фамилия или он решил узаконить псевдоним – со своей блестящей визиткой, она, прячущая красоту под пальтами. Беззаботная юность, мечты о будущем, вдохновение даже от унылых осенних будней.

Она еще раз медленно вдохнула чистый морской воздух, пока не появилось ощущение, что легкие лопнут, а затем стала медленно выдыхать, выгоняя воздух из самых печенок.

Тетя научила ее так успокаиваться: вдох и медленный глубокий выдох. Сейчас Алиса была в безопасности, но тревога до конца не отпускала ее. Даже на пустом пляже не покидало ощущение, что за ней наблюдают. Девушка вновь оглянулась, чтобы развеять свои сомнения. Взгляд прошелся по воде, песку, бунгалам, рядам пальм. Она была одна.

Или не одна?

*Двое молодых мужчин наблюдали, как хорошенькое личико Алисы стало хмуриться.
– А она красивая, – сказал первый.
– Угу, – согласился второй. – Красивая, и неглупая, – он внимательно смотрел за Алисой. – Интересно, сколько она сможет протянуть?
– Посмотрим, что скажет ее муж, – поднял брови первый.*

Муж Алисы – Алексей Ковальский – был высоким здоровяком с круглыми бицепсами, кулаками-кувалдами, квадратным лицом, обрамленным в короткую стрижку. Его суровому образу больше подходила военная форма, которую он когда-то носил, а не элегантные пиджаки, на которые он променял китель.

Он с детства мечтал спасать и сражаться, как герои боевиков. После выпускного пошел учиться в военное училище, затем в контрактники. Но вскоре остыл.

Его одноклассники пересаживались с автобусов в свои машины, хвастались квартирами и отпусками за границей. И пофиг, что большая часть «состоятельных людей» все добро получила в кредит.

Леха не умел копить, откладывать, выкраивать, как это делала его бабушка. Даже с небольшой зарплаты она умудрялась «оставлять копеечку» на «черный день», а на день зарплаты оставался хвостик с предыдущей.

Внук был не способен распоряжаться своими доходами, спуская все подчистую, хотя жил не шикуя. Последние рубли пропадали за несколько дней до зарплаты. Как при таком раскладе выискивать деньги на вклады и кредиты?

Одно он понял точно: надо в своей жизни что-то менять. Он продолжал любить военную форму, однако все-таки решился с ней расстаться в поисках новых перспектив.

На гражданке начал с традиционного для многих пути – торговли. Сначала поработал на других людей, чтобы понять, как все устроено, а затем решился на свой магазинчик.

Удивительно, но дело пошло. Как-то само собой научилось считать деньги, правильно формировать ассортимент, делать оптимальную наценку, чтобы остаться в плюсе. К одному «ларьку-люкс», как Алексей называл свои владения, добавился еще один. Потом торговые пенаты стали расширяться, превращаясь в полноценную сеть, апофеозом которой стал популярный семейный гипермаркет.

Случайно Ковальский попал в строительство: давний знакомый предложил вложиться в многоэтажку. Дело оказалось прибыльным, решили опыт повторить уже в жилом комплексе. Ту ставку Алексей сделал вовремя. Начали строить по одним ценам, а когда жилье стало стремительно прибавлять, остановили продажи до ожидания «потолка» расценок.

Почувствовав вкус путешествий, он открыл свою турфирму. Освоил выпуск газировки и пива, вложился в придорожный сервис. Чтобы поддерживать себя в форме, обустроил пару спортзалов. В общем, сам того не ожидая, стал «владельцем заводов-пароходов». При этом никакого везения: лишь четкость действий, расчет, военная привычка держать все под контролем.

И если в бизнесе последнее помогало, то личную жизнь напрочь разрушало. Избранницы сбегали от выгодного холостяка, несмотря на радужно-денежное будущее.

После каждого расставания Ковальский лишь отшучивался: мол, что не делается – все к лучшему. С *такими* он еще сам подумал бы: идти ли в рядовую разведку, не то, что под венец. При этом с каждым законченным романом желание держать все под контролем усугублялось, будто вся причина крылась в его недостатке.

Очередная пассия получала комплект охраны – не сколько для безопасности, сколько для контроля. Девушки благосклонно относились к такой заботе, подтверждающей серьезность отношений и их перспективы. В конце концов это повод продемонстрировать собственный престиж и похвастаться.

Однако вскоре их начинала напрягать опека благоверного, которому всегда нужно знать: где, с кем, зачем, во сколько и на сколько. Если вовремя не выйти на связь, у Ковальского мог начаться приступ – от панического беспокойства до отчаянной ревности. Причем, первый вариант немногим лучше второго.

Так было до появления Алисы – молоденькой, немного наивной и очень красивой. В ней бизнесмен не видел меркантильности, чувствовал искренность и интерес. Ее хотелось защитить и спрятать еще сильнее. И вот – не уберег. Она пропала.

Ковальский ударил по дорогой лакированной поверхности своего стола так, что стоявшие в кабинете предметы задребезжали. Лицо покраснело и покрылось потом. Рубаха была небрежно расстегнута, дорожный галстук приспущен и сейчас напоминал тряпку.

Кулак снова впечатался в столешницу, норовя ее сломать, а его хозяин в очередной раз рывкнул, как раненный зверь:

– Где она?!

– Где она? – услышав в очередной раз слегка гнусавый женский голос, сообщающий, что «абонент находится вне зоны доступа...», она в сердцах бросила трубку так, что рычаг чуть крякнул. – Ну что это за женщина? Думает только о себе, а не о других. Вот где, спрашивается, ее черти носят?

Лидия Александровна Потапова закрыла глаза и сдвинула виски руками. Проверенный прием, чтобы успокоиться и не дать голове взорваться от переполнявших эмоций.

Помощник Андрей Воронин – молодой мужчина в отглаженной светлой рубашке с приспущенным галстуком, прилизанным темным каре и бородкой, спокойно наблюдал за начальницей из своего кресла.

Ей было около пятидесяти, но Потапова хорошо себя сохранила. Деловые костюмы отлично сидели на ее подтянутой фигуре. Короткая стрижка аккуратно уложена. Цвет подбран естественный, будто в волосах никогда не было и проблеска седины. Немного косметики, лишь подчеркивающей черты лица, не утеравшего свою привлекательность.

На людях она всегда была спокойна и сдержанна, слабинку давала лишь *при своих*. Впрочем, источник всех всплесков не касался ее работы. Даже многочисленные подчиненные, задвинутые в число провинившихся, не давали столько нервозности директору департамента по науке и инновациям, как родная мать.

Лидия Александровна всегда беспокоилась за мать из-за ее мягкости, доверчивости и способностью попадать в сомнительные ситуации. А после перенесенного инсульта – и здоровья. Но пожилая женщина тщательно берегла свою свободу от всяческой опеки, в том числе своей *начальственной дочери*.

Было нормой, когда после десятков пропущенных вызовов она с оттенком издевки отвечала, будто делала одолжение:

– Ну что ты мне названиваешь? Заняться больше нечем на работе? Не удивительно, что сидишь в своих кабинетах допоздна. Меньше будешь без толку торчать на телефоне – быстрее освободишься.

– Ты можешь хотя бы sms отправить, что все в порядке?

– А как еще-то? Если не донимать своими дозвонами, то все будет в порядке, – сердито отвечала мать, и на этом разговор прекращался.

За три минуты разговора престарелая женщина могла довести опытную чиновницу до белого каленья. У той никак не вырабатывался иммунитет, и каждый раз подкатывали слезы – обиды.

Как объяснить несносной старухе, что она страшно переживает за неё? Что очередной недозвон может означать, что ей, матери, срочно требуется помощь, и речь можешь идти на минуты? Уже не говоря о том, что что-то может случиться с ней самой. Хотя о том, как дела у дочери, мать не имела привычки интересоваться.

И вот – очередное дежавю. Однако в отличие от предыдущих разов прошло уже несколько часов, в течение которых Лидия Александровна пыталась дозвониться, натываясь на механический женский голос. Десяток sms-сообщений остался без ответа.

Воронин спокойно наблюдал, как начальница сходит с ума. Он удобно закинул ногу на ногу в мягком кресле, облокотился локтями и поочередно соединял кончики пальцев. Помощник предусмотрительно молчал, чтобы не накликать гнев на себя.

Потапова в очередной раз в сердцах швырнула трубку и замахнулась на стопку бумаг, чтобы ударить по ней. Каждый день секретарь приносила эти стопки – на подпись, рассмотрение, с пометкой «срочно» и тому подобное. У директора складывалось ощущение, что через стенку работает фабрика по производству всевозможных писем, запросов и прочих бумаг, которые необходимо отработать в установленные законодательством сроки, о чем при случае напомнит прокуратура.

Сверху очередной стопки лежала прозрачная папка, содержание которой Потапова заранее знала наизусть.

– Твой опять депешу прислал, – кивнула чиновница в сторону папки.

Воронин вытянул шею, разобрав на титульном листе фамилию: Михайловский. Помощник шлепнулся обратно в кожаное мягкое нутро и пожал плечами:

– Почему мой-то? Я лишь сказал, что идея у него необычная, интересная, – под суровым взглядом начальницы он примирительно поднял руки: – Мне показалось, что интересная. Но решение, конечно, за вами.

– Решение за вами, – передразнила начальница. – Этот черт неутомимый столько геморроя устроил, сколько другие претенденты на гранты за пятилетку. И ведь все нейдет, опять стопку справок прислал.

Внутри папки Потапова заглянула на расстоянии, зацепив края двумя ногтями, словно это были не белоснежные листы, а грязная мокрая тряпка для пола. Чуть отогнув большой палец, чтобы дать страницам падать вниз, демонстрируя множество печатных строк, подписей и печатей, Лидия Александровна лишь убедилась в своих словах.

– И другим поработать спокойно не дает, – она захлопнула папку и отодвинула ее подальше, заметив, что помощник внимательно смотрит на нее, будто это не очередная кипа бумаг, а клад Монте Кристо.

Воронин тоже заметил, что начальница перехватила его взгляд.

– Зря вы так, – он снова пожал плечами, стараясь придать себе наивный вид. – Это сейчас в диковинку, а лет через пять может стать нормой жизни. Еще и конкуренция появится...

– Ты прекрасно видел заключения, в которых черным по белому указаны все риски. И пока *настоящие* специалисты не вынесут обратный вердикт, я не намерена ничего подписывать. Слава Богу, я еще в своем уме! – Лидия Александровна повернулась к окну и мысли ее снова переключились на мать.

Мать чиновницы – Инесса Валерьевна – стояла в тени пальмы, наблюдая за потоками машин и людей на оживленной улице Ираклиона, тянущейся вдоль побережья острова Крит.

Счастливые загоревшие туристы заходили в лавки, выходили, делали несколько шагов и снова пропадали из поля зрения. Обычный, типичный променад отдыхающих в популярных местах с привкусом свободы и беззаботности.

Инесса Валерьевна поправила панаму с ажурными полями и новое ситцевое платье в тон – бежевое с белыми полосками. В последние годы она была равнодушна к обновкам, однако это был шикарный на ее взгляд подарок. Согласиться неприлично, но и отказаться невозможно. Замыкали ансамбль белые удобные сандалии и белая сумка – не большая, но очень удобная и вместительная.

Сейчас она чувствовала себя модной европейской пенсионеркой. Инесса Валерьевна видела их на картинках – счастливых, состоявшихся, полных сил.

Странная все-таки штука – жизнь. Кажется, что все сливки достается молодости. Но по факту выясняется, и в преклонные годы остается порох еще не на один заряд. А сил и желаний не меньше, чем 30 лет назад. Разве что желания становятся другими.

Инесса Валерьевна снова улыбнулась, вспомнив отпуска своей молодости. Как она, красавица-жена и мать, прогуливалась по набережным Черного моря, ощущая солоноватый запах и неповторимый дух отдыха.

Обычно они ездили дикарями, снимая комнатку у частников и чувствуя себя самыми счастливыми даже в спартанских условиях. Сейчас все по-другому. Интерьеры из «Спортлото 82» сменили большие и маленькие отели. А отдых за границей для многих российских семей стал более привычным, нежели родные морские просторы. Даже маленькие дети воспринимали все как должное.

Все-таки права оказалась ее новая приятельница Анна Петровна. Нужно все в жизни попробовать, а старость только руки развязывает: не надо, как офисному планктону и чиновникам (тут Инесса Валерьевна вспомнила дочь, представив ее, суровую, у телефона) – ожидать очередного отпуска и согласия руководства. Появилась путевка – и можно собирать чемодан.

Запросы у бабушки скромные, оттого поклажа небольшая. Чего ей сейчас действительно не хватало – так общения с Анной Петровной. Все же удивительное дело: с одними людьми годами поддерживаешь связь, но не считаешь их близкими. А с другими сближаешься за считанные дни, не представляя, как раньше жили без них.

Ирина Пономаренко быстро стала подругой Алисы. Они познакомились на очередной выставке. Как художница Ковальская старалась не пропускать новые экспозиции, отправляясь посмотреть на полотна признанных авторов и никому неизвестных новичков.

В новой модной галерее в тот день представляли молодого, но очень талантливого абстракциониста, как было заявлено в афишах. Алиса останавливалась у каждой картины, всматриваясь в росчерки, завитушки, знаки, силуэты, тени, пытаясь разгадать потайной смысл автора.

– Странная это все-таки штука. Одну и ту же картину можно назвать гениальным творением и откровенной мазней левой пяткой, – услышала Алиса рядом.

Она повернулась, справа стояла хорошенькая девушка с бокалом шампанского. Сережки-кольца выглядывали из-под темных кудрей каре. Тени, помада и вечернее платье блестели в приглушенном свете.

– Почему именно левой? – просто так спросила Алиса, которую повеселила формулировка незнакомки.

– Ну может, и правой, – пожала худенькими оголенными плечиками девушка. – И той, и той можно рисовать, главное всех убедить, что это оригинально.

Алиса улыбнулась.

– Вы рисуете?

– Я? Не-ет. Я избавила человечество от визуальных кошмаров и эстетических мук. Но мне интересно посмотреть, что придумывают другие, – незнакомка пригубила шампанского. – А вы?

– Я учусь на художественном, – Алиса была рада, что ее перестали узнавать, и возможности немного побыть инкогнито.

– О, так вы специалист в этой области. Ну и как вам эта картина? – девушка в платье цвета шампань указала на синие разводы, желтые и красные пятна.

– Не хочу обижать авторов. У каждого творения есть своя задумка.

– Значит, мазня, – сделала свой вывод собеседница и снова поднесла фужер к блестящим губам.

– Почему сразу мазня? Абстракционистам сложнее всего быть понятными. Это не портрет и пейзаж, где картины оцениваются на уровне «походит – не походит», «красиво – не красиво».

– Тоже верно, – согласилась брюнетка с каре. Она подошла поближе, нагнулась у уголка. – Кстати, это своего рода пейзаж, «Праздничное небо» называется, – и она с еще большим недоверием стала смотреть на рисунок.

Они обе уставились на картину, пытаясь определить праздничное небо в пятнистом рисунке.

– Меня Ирина зовут, – представилась незнакомка.

– Алиса, – Ковальская протянула руку, чтобы легонько пожать теплую ладошку новой знакомой. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, – Ирина улыбнулась, в глазах мелькнул озорной огонек. – Слу-ушай, а пойдем еще шампанского возьмем, тогда точно все праздники в небе увидим.

Алиса была равнодушна к алкоголю. Очень редко позволяла шампанское или легкое вино. Но в последнее время чувствовала себя уставшей, подавленной, с тяжестью на душе. В свои двадцать один она ощущала себя на все сорок. Причину такого состояния она знала, но понятия не имела, как выйти из этой ситуации. Все сложно, все зашло слишком далеко.

– Да ладно, мы ж не напиваться собираемся, – по-своему расценила замешательство Ирина. – И караоке в галерее не потребуем. По крайней мере не сразу.

– Караоке? – не поняла Алиса, будто слово было из другой жизни, из другой цивилизации, так далекой от нее.

– Его самого, – Ирина взяла за руку новую знакомую. – Пошли к Женьке.

– Это кто?

– Бармен, кто ж еще.

– Вы знакомы?

– Уже да. У меня этакый бзик в незнакомых местах. Нужно знать расстановку персонала, вплоть до охраны, где кормят и где туалет. А уже потом можно расслабиться и приступать к изучению мероприятия.

– А охранники-то зачем? – не поняла Алиса.

– Ну мало ли, нахал попадется. А я девушка хрупкая, – Алиса оценила худенькую невысокую – сантиметров на 10 ниже ее – фигурку Ирины на длиннющих каблуках. – Так на чем мы остановились? Ах, да, идем к Женьке.

– Вообще-то я не очень люблю...

– Шампанское или веселье? Посмотри на себя, самый грустный, хоть и красивый человек на этом празднике ИЗО. Разве так держатся на выходе в свет?

Алиса улыбнулась. Она уже не помнила, каково это быть – легкой и беззаботной. Наверное, до той встречи с Кержем.

Тогда, три года назад, Алиса пропустила дни отбора на конкурс. Ей было лестно, что сам «маэстро красоты» обратил на нее внимание. Однако сейчас ей нужно было думать об учебе, а не подиумах.

Конечно, многие девушки совмещают оба направления, но в будущем Алиса не видела себя великой моделью. Великой художницей, впрочем, тоже.

Красивую блестящую визитку Владика Алиса сохранила на память о необычном знакомстве. Она не подозревала, что ей снова предстоит встреча с Кержем, причем, не случайная.

Через неделю ее вызвали в деканат. Сердечно тревожно забилося. Ругать, как и хвалить, ее было не за что, с документами в порядке, бюджетное место оплаты не предполагает. Тогда – что?

Ее ни разу не вызывали к директору школы, даже к завучу. В этих кабинеты она попадала разве что по культмассовым мероприятиям. Здесь же семестра не прошло, как ее потребовали «на ковер».

Слегка дрожащей рукой она открыла ручку приемной ректора. За большим угловым столом сидела секретарь Маниша Игнатьевна – женщина бальзаковского возраста с начесанной прической, ярко-голубыми тенями и ярко-розовой помадой. В столешнице отражалась красно-желтая пестрая блузка.

«Все ж не казарма, а творческий вуз», – попыталась оправдать имидж секретаря Алиса.

Маниша Игнатьевна не сразу обратила внимание на вошедшую студентку, обалдевши – по-другому не скажешь – смотря на темную дверь с табличкой «Павел Сергеевич Мезенцев». Оттуда доносился знакомый мужской голос. Он много говорил, Алиса смогла лишь разобрать несколько раз повторенное фальцетом слово «богиня».

Студентка, зайдя в приемную бледной тенью, тут же покраснела. Секретарь с любопытством рассмотрела на нее, без стеснения пройдя взглядом от макушки до носков элегантных туфель.

– Значит, Керж сегодня по твою душу? – ухмыльнулась она.

– А к ректору-то зачем? – шепотом спросила Алиса.

– Хм, так они друзья, – развела руками секретарь. – Как наш «маэстро» придет, так академию еще месяц лихорадит. Ладно, что отговорили его второе высшее у нас получать. А то, видите ли, не все творческие начинания этим гением реализованы.

Алиса улыбнулась: чего-чего, а энергия у Владика была через край. Секретарь тем временем нажала на столе какую-то кнопку и по-шпионски доложила:

– Богиня на месте, прием-м, прием-м! Повторяю: богиня на месте.

Студентка еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Секретарша, оказывается, веселая женщина.

В кабинете ректора что-то грохнулось. Послышались громкие шаги, дверь распахнулась и в проеме возник Керж в лиловом свитере, серых брюках, украшенных крупными замками и заклепками.

– Девочка моя, ну нельзя же гонять взрослых дяденек! – он грациозно взял Алису за руку и повел в кабинет.

– Здравствуйте, – растерялась первокурсница и робко посмотрела на ректора: что он может подумать?

– Здравсьте-здасьте, – Керж сделал реверанс. – Я ведь тебе по-русски сказал, что нужно делать, напомнил золотые слова, визиточку дал для мотивации. А ты чем отплатила, негодница?

Алиса стояла столбиком посреди владений главного человека академии и не понимала: шутит его гость или нет. Зачем нужен этот спектакль? И вообще, как он умудрился не забыть ее за эти дни? Как ответить на столь странное обвинение?

– Во-от, – друг ректора поучительно поднял указательный палец вверх, по-своему расценив молчание девушки. – Стыдно стало, да? Ну признайся же.

– Извините, но я не собиралась на конкурс. Мне учиться нужно, а не прогуливать.

Алисе хотелось закрыть глаза и уши, чтобы защитить себя от праведного гнева Кержа. Она чувствовала, как краска заливает лицо. И представила, как бы нарисовала это – густая бордово-лиловая смесь поглощает бледное спокойствие.

– Опять двадцать пять! – тот в сердцах стукнул себя по бедрам. – Тьфу-тьфу-тьфу, – поплевал он через левое плечо, – еще не хватало 25-летних старушек на конкурсе. Пойми ты, студентка-отличница-комсомолка, годы идут. И свой королевский возраст ты можешь просидеть за мольбертом. Ну ты-то хоть скажи свое веское слово! – обратился он к ректору.

Павел Сергеевич держал руки перед собой, крутя большими пальцами невидимое колесо, и внимательно смотрел на студентку.

– В общем-то я понимаю, чего вскипятился Керж, – резюмировал он после паузы. – Алиса, наши студентки участвуют в разных конкурсах, в том числе красоты. Это часть имиджа заведения – академия должна показывать, какие кадры воспитывает. Мы официально оформим свободный график, преподавателей предупредим, так что проблем не будет.

– Мне не хотелось бы начинать с пропусков... – попыталась возразить Алиса.

– Пока идет раскачка, – пожал плечами ректор. – Но я попрошу преподавателей позаниматься отдельно по сложным темам. От тебя останется выступить так, чтобы наш вуз запомнился.

– Я постараюсь, – обреченно пролепетала студентка.

– Мало стараться, надо блистать! – Керж составил ноги как балерина и приподнял запястья, словно пальцами держал пышную юбку платья на каркасе.

Следующие недели летели – не успев начаться, тут же заканчивались. Алиса ощущала себя в вечном водовороте между академией, стараясь пропускать по-минимуму, и студией Кержа, где проходила подготовка к конкурсу. К вечеру ноги гудели, а голова кирпичом падала на подушку.

Преподаватели порядком подустали от последствий дружбы ректора с «маэстро красоты», но к первокурснице прониклись больше сочувствием. Благодаря Манише Игнатьевне все не просто были в курсе участия девушки, но и обстоятельствах ее согласия.

Наставники старались не нагружать лишней работой, прощали ей недоработки, веря, что все «хвосты» ответственная девушка сдаст.

Другое дело – сам конкурс, дисциплину на котором Алиса сравнивала с армейской (исключительно в ее представлении). И как дембель считала дни, когда все это безумие закончится.

Отец – Александр Витальевич – ворчал, мол, не для того дочь получает высшее образование, чтобы в итоге в труселях перед публикой ходить. Мать – Наталья Васильевна – лишь вздыхала, не зная, как помочь Алисе.

В канун конкурса мать предложила прогуляться. Просто пройтись по улицам – давно забытое времяпрепровождение для дочки. Тропинки покрыл снег, пушистые снежинки витали на фоне мигающих витрин, напоминая о приближении Нового года.

– У тебя завтра важный день, – смотря за белое полотно под ногами сказала мать.

– Поскорее бы наступило послезавтра. – Алиса с удовольствием вдохнула свежего зимнего воздуха.

– Я представляю, как ты устала. Но постарайся сделать так, чтобы все потраченные силы и время не ушли в никуда, – Наталья Васильевна посмотрела на дочь. – Покажи, какая ты красавица. Ведь это так и есть. Недаром твой Керж привязался.

– Другого слова не найти, – улыбнулась Алиса. – Конечно же я постараюсь, иначе буду сожалеть об этом всю оставшуюся, – повторила она слова мамы.

– Все правильно, детка, – улыбнулась та. – Представь себе, через сутки ты будешь блистать на сцене, а еще через сутки беззаботно отсыпаться.

– Да, – мечтательно протянула Алиса.

– И, может, проснешься знаменитой, – мама подмигнула.

– Ты необъективно оцениваешь меня.

– Я объективна, и ты действительно заслуживаешь короны.

Разговор прервал резкий визг шин. Все стали смотреть куда-то направо, перешептываясь. Мама с дочкой тоже повернули головы.

Через дорогу находился модный и очень дорогой ресторан. У центрального входа вакантное место заняла черная иномарка. В отличие от других машин – стоящих и едущих – она вся блестела чистотой, словно была выше всего, в том числе слякоти.

Из автомобиля вышел молодой мужчина, излучающий успех и всевластие. Алиса не разбиралась в брендах, но почему-то была уверена, что черное пальто, как и костюм, из дорожного бутика.

Незнакомец почти дошел до входа, когда ему позвонили на мобильный. Он обернулся, под светом фонарей еще больше излучая уверенность и богатство. «Надо же, молодой, а не пижон старый», – про себя удивилась Алиса.

Мать проследила за взглядом дочери и философски отметила:

– Главное, не деньги, а чтобы человек был хороший.

За кулисами царила обычная для конкурсов суета: наряды, мейкапы, кудри, нервы... Подгоняющие голоса организаторов, построения, последние выдохи, чтобы унять волнение.

– Девочки, завтра будете спать. А сейчас всем приказ жечь! – наставница Анна Никольская давала последние напутствия. – Все молодцы, все красавицы, остается показать, чему вас столько времени учили. Осанка, подбородок, улыбка... – Никольская сделала шаг вперед, посмотрев на сцену, подождала пару секунд. – Ну, ни пуха!

Девушки рядком стали подниматься по знакомой лестнице, ведущей от гримерок к сцене.

– И не громыхаем, как стало кобылок, – напомнила Анна про деревянные настилы.

Алиса была в центре ряда, 13-ой, как и в буклете, которые раздавали зрителям, чтобы они могли внимательнее ознакомиться с достоинствами каждой участницы.

Коленки подрагивали, все нутро охватил мандраж, но девушка сделала глубокий выдох и постаралась взять себя в руки. Расслабиться и получить удовольствие от шоу, аплодисментов, всего блеска вокруг. Она грациозно шла по подиуму, улыбалась, смотрела на лица зрителей, пытаясь определить их оценку. Затем перевела взгляд на жюри.

Керж тут же послал ей воздушный поцелуй и приложил ладони к сердцу. Алиса улыбнулась шире, поняв, что она все делает правильно, но в следующий момент чуть не запнулась, увидев *его* – вчерашнего незнакомца у ресторана. Сейчас он сидел рядом с «маэстро красоты» и смотрел прямо ей в глаза. Внутри все затрепетало. Она одернула себя, улыбнулась и направилась обратно на сцену, стараясь сохранить легкую походку.

Когда все участницы выстроились красивым полукругом, приглашенный ведущий в костюме, на котором блесков побольше, чем на платьях финалистов, начал шоу.

Алиса смотрела в зал. Зрители с интересом рассматривали девушек, делали фотографии, показывали пальцы вверх понравившимся. В общем, публика была благодушна.

– Дамы и господа! Приветствуем наших участниц... – словно из другого мира доносился голос ведущего. – Представляем членов нашего многоуважаемого жюри...

Алиса посмотрела в сторону заветного столика, сидящие за которым по очереди вставали, когда их объявляли. До него было пара десятков метров, но даже с такого расстояния ей казалось, что вчерашний незнакомец смотрит прямо на нее.

...– а также я рад приветствовать члена жюри и главного спонсора конкурса, генерального директора холдинга «KOV». Встречайте – Алексей Ковальский, – незнакомец встал, повернулся к залу, подняв в приветствии руку, и повернулся к сцене.

Алисе снова показалось, что он улыбнулся ей.

– ...а теперь поаплодируем нашим красавицам, поблагодарив на прекрасный выход, – продолжал ведущий. – Пока девочки переодеваются, перед вами выступят местные популярные коллективы. Вот их целый список... – приглашенный шоумен продемонстрировал содержимое папочки.

Дальше все было как в тумане. Наставления Никольской, блеск софитов, метры подиума, смены украшений и нарядов, улыбка, в которой замерло лицо... Финиш и ее имя – королевы красоты. И ощущение нереальности, что это происходит с ней, здесь, прямо в данную минуту.

Такое же ощущение нереальности у нее было и сейчас, на Мальдивах, на берегу Индийского океана. «Я просто не могу поверить своему счастью», – решила она.

Мэкс – Максим Герасимов – тоже не мог поверить в реальность происходящего, шагая по горячему песку Южно-Китайского моря. Или Восточного, или Вьетнамского – как предпочитают его называть местные жители из-за военного прошлого со своим соседом.

Впрочем, это военное прошлое несколько не смущало самих китайцев, путешествующих целыми коллективами. Говорили они громко, да и вели как у себя дома. Мэксу даже показалось, что он не долетел до восточного края Азии.

На проезжей части не прекращался поток мотоциклистов, которые не реагировали на «зебры» и пешеходов. Людей водители не пропускали, а объезжали. В любой момент автомобилисты могли выехать на встречную полосу, повернуть наперекор всем правилам, посигналить на тротуаре, чтобы их пропустили. Вот бы наших гаишников сюда – быстро бы навели порядок.

Не утихающая от шума моторов и бесконечных сигналов дорога находилась за подстриженными треугольниками и спиралями деревьями, напротив голубой поверхности воды. Вдалеке тянулись вышки канатной дороги до острова развлечений, огромные буквы которого были видны и на материке. Позади осталось здание в виде лотоса – главная достопримечательность набережной Нячанга.

Да, все точно так, как было в том фильме для туристов, который ему дали в агентстве, даже появилось ощущение, что та самая картинка ожила. Или он каким-то странным образом попал в нее.

Мэкс не верил, что реализовал свой побег. Он действительно сбежал! От серьезных разговоров, перспектив и надежд, которые возлагали на него родители. Точнее, отец.

Он был властный и наделенный властью. Впрочем, почему был? И сейчас есть – грозный прокурор региона Владимир Васильевич Герасимов, не дающий спуска осуждаемым, другим ведомствам в погонах, представителям власти, непосредственным подчиненным и своей семье.

Мать давно смирилась с диктатором в доме, как-то приспособившись с этим обстоятельством и продолжая жить себе в радость. Но молодая бурлящая кровь старшего отпрыска и врожденное упрямство – не меньше, чем у отца в его возрасте – провоцировали бесконечные стычки, напоминающие борьбу двух баранов. Каждый гнул свою линию, у каждого было свое видение. Вот только жизнь – его, Мэкса, а не отца, хоть старший и платил по счетам младшего.

Главный в доме не одобрял все. Начиная с внешности сына. Парень получился среднего роста, зато плечистым и крепким. Легкая щетина опоясывала подбородок и сливалась с короткими волосками вокруг висков, над которыми отращенная грива была собрана в небрежный хвост.

– Если ты хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьез, а не как хиппи-бездельника, приведи себя в порядок! – отец не переставал это твердить изо дня в день.

И его не интересовало, что в некоторых слоях и сферах, где сын действительно хотел бы работать, подобную прическу можно назвать дресс-кодом. Впрочем, и адвокаты с яркой внешностью привлекают больше внимания (читай – клиентуры). В конце концов, судят по результатам, а не по правильно насаженному галстуку между створок пиджака.

Не одобрял отец и несерьезную компанию закадычных друзей, легкомысленное отношение к будущей работе и самой работе. Что это за дело – в Интернете ковыряться! Стыдно ж будущим детям сказать, чем отец зарабатывает на жизнь. Если вообще получится заработать.

Сын пытался объяснить, что сайты, мобильные приложения, их обслуживание и продвижение, как и компьютерная безопасность – перспективно и денежно. Но отец гнул свое.

Когда Мэкс решил оставить честно полученный диплом юриста, к слову, с весьма впечатляющими результатами, чтобы начать разработку компьютерной игры, разразился настоящий гром. Стало невыносимо не только находиться дома, но и вне его.

Свободолюбивый парень мечтал об одном: сбежать. Подальше. На край земли.

– Это тебе во Вьетнам надо, – улыбнулся новичок в их команде.

У него была приличная серьезная работа, к их мужскому шабашу он примкнул из интереса. Познакомился с одним из разработчиков в Сети и получил пропуск в их проект вкупе с прозвищем Дрю.

– Да денег надо дофига. Там же перелет дорогой, – отмахнулся от идеи Мэкс.

– Зато нет виз и лететь по горящим можно хоть завтра. Пару сланцев только из дома вынести незаметно и заграник.

Новичок уже полез в телефон и начал что-то искать. Мэкс – инстинкт, однако – тоже уставился на дисплей.

– У меня есть один... в турагентстве работает. Сейчас узнаем все, – Мэкс не успел ничего ответить, как тот уже кликнул на нужное имя и стал дожидаться ответа.

Ему ответили быстро, после небольшой дружеской перепалки Дрю изложил суть вопроса.

– Слу-ушай, а у меня есть шикардосный вариант, – эту фразу услышал даже Мэкс. Дальше разобрать не смог, но по тону стало понятно, что тот самый вариант всячески расхваливают.

Дрю подошел к столу и стал что-то искать, Мэкс сообразил, что нужна ручка.

Он залез в тумбочку и пошелестил там. Сбоку что-тобрякнуло. Ручка с логотипом университета, часть подарка на выпуск. В этот момент он просто обожал свой вуз. Там же нашелся тематический блокнотик.

Дрю продолжал разговор, вставляя какие-то вопросы, кивая головой, отчего покачивались вихры на голове. Попутно расчеркал ручку на чистом листе и попросил повторить основные данные. Мэкс внимательно смотрел, как на бледных квадратах появляется дата – уже завтра! Четыре звездочки, 10 ночей. А потом цена – просто нереальная. Такие только в рекламах для заманух пишут, чтобы привлечь клиентов.

– 15 тысяч? – не поверил своим глазам Мэкс.

– Ага. Отель супер, только построили, море через дорогу.

– И за пятнашку? Да таких цен не бывает, лохотрон какой-то.

– Агент приличный и фирма его тоже. А по цене – супергорящее предложение. С утра один чел отказался от поездки, что-то в семье случилось. Не прогорать же добру.

Мэкс уже не слушал объяснения, прикидывая, где добыть денег и как лучше слинять из дома.

- Чего задумался-то? – Дрю потряс его за плечо. – Денег нет?
- На путевку-то есть. Но с собой еще надо.
- Давай сначала с путевкой решим, с собой потом наскребем. Ок?
- Ага, ок.
- Остается одно – тащи загранпаспорт.

- Загранпаспорт, пожалуйста.

Молоденький сотрудник пограничной службы смотрел на нее свысока, через стекло кабинки в «зеленом коридоре». А он симпатичный, подумала Лёля и нервно улыбнулась. Боже, о чем она только думает?

Он что-то спросил. Ах да, паспорт. Лёля снова нервно улыбнулась и, оглянувшись по сторонам, полезла в сумочку. Симпатичный таможенник смотрел на нее – с усталостью, сочувствием и недоумением.

И все три составляющие объяснимы: усталость – из-за позднего времени, сочувствие – к ее несобранности и нескладности. И недоумение, почему паспорт находится не в руках, с вложенными билетами, как у других пассажиров. Чтобы сэкономить время на поиски по карманам и сумкам и увеличить его на дьюти-фри-променад.

Лёля гоняла содержимое по широкому дну просторной сумки, не находя плоского прямоугольника в кожаной обложке. Она еще раз виновато улыбнулась и подняла поклажу повыше. Таможенник тоже выглянул – из любопытства: чего только не вмещается в женские сумочки. У одной из стенок блеснула коричневая обложка.

Лёля вытащила паспорт и протянула в проем под стеклом, движения получились угловатые и нервные. Она в очередной раз улыбнулась специалисту, в очередной раз отметив, какой он симпатичный. И ведь он так походит на Вовчика Смолякова из параллельного класса, по которому сходили с ума все девчонки, в том числе и сама Лёля!

Странное дело, она на днях его вспоминала. Интересно было бы узнать, как сложилась его жизнь? А может, это его сын? Такие же бархатные ресницы, высокие выпуклые скулы, пухлые губы. Они чуть открылись и сделали несколько движений. Лёля зачарованно смотрела на них, пока до нее не дошло, что обладатель прекрасных уст снова что-то сказал.

- Простите? – посетительница почувствовала, как краснеет.

– У вас все в порядке? – молодой человек оторвался от монитора и посмотрел на нее через стекло.

– Да, в порядке, – Лёля снова нервно улыбнулась и оглянулась на очередь. Остается самая малость: пройти этот кордон, сесть в самолет и расслабиться в предчувствии удовольствия.

Лёля поймала млеющую улыбку на своем лице. Не очередной нервный тик, а полноценное «мурр» кошки у миски со сметаной.

Однако вопрос родства таможенника с ее первой любовью не давал покоя. Он же будет сверлить ее всю дорогу. Лёля привстала на цыпочки, чтобы разглядеть бейджик или нашивку. Как назло, эту часть формы скрывала столешница, куда граждане выезжающие складывали свои документы.

Надеясь, что сотрудник, что-то набирающий и смотрящий в монитор не заметит ее жеста, Лёля подпрыгнула. Как раз в этот момент красавчик повернулся и вопросительно посмотрел на нее. Для путешественницы это был знакомый взгляд, ее вольности обычно заканчивались именно так. Что ж, не привыкать, одним *впечатлённым* больше.

- У вас точно все в порядке?

– Да-да, лететь и отдыхать смогу, – Лёля шумно сглотнула, уставившись прямо в бархатные глаза. А затем по-шпионски, скороговоркой спросила: – Как ваша фамилия?

Таможенник растерялся. Затем пододвинул табличку, стоявшую у другого края столешницы, поближе к странной туристке. На белом листке под прозрачным пластиком было указано: Сергей Владимирович Смоляков.

Лёля аж ахнула, прикрыв ладонью губы. Так не бывает! Чтобы подумать о человеке и получить своего рода весточку от него.

– Так вы сын Вовчика? – заговорщицки спросила она.

– Мой отец действительно Владимир, что логично из моего отчества, – в глазах парня мелькнули озорные огоньки.

– Он в 12-ей учился?

– В 12-ой, – теперь специалист смотрел на нее с интересом.

– Привет передавайте ему. От Лёли. Елены Карминой, – поправилась туристка. – Мы когда-то учились вместе... А Кармина – моя девичья фамилия... – она снова уставилась в бархатные глаза. – Вы очень похожи на него!

– Спасибо, – Смоляков-младший улыбнулся. – Обязательно передам привет, – сотрудник громко поставил печать и протянул паспорт женщине.

– Спасибо, – поблагодарила та и направилась дальше, услышав за спиной нервное «ну наконец-то» из очереди туристов.

А чего она хотела? Лёля была создана несобранной и *на своей волне*, что выражалось в поступках не попад, алогичности действий, способностью нервировать окружающих своими вопросами, создавая подобные очереди и прочие неудобства на ровном месте. Поэтому недовольное фырканье для нее было привычным делом. Она бы удивилась, если не услышала знакомые интонации.

Ей повезло встретить полную противоположность себя: организованного и всеми уважаемого человека. Владлен Леонидович Прокопьев – ее муж, главврач крупного медицинского центра, известен не только в медицинских кругах, причем, за пределами их региона. Его приглашали выступать в СМИ, привлекали как эксперта разные учреждения, в том числе чиновники и правоохранители.

Он помог не одной сотне пациентов излечиться, восстановиться, стать нормальными людьми, несмотря на различные отклонения. Единственный пациент, перед которым он был бессилен, – это его жена.

Когда-то доктора покорила ее чистота и бесподобная наивность, казавшиеся в лихих 90-ых оазисом среди распоясавшихся нравов. Оказавшись в законном браке стервенеть жена не начала. Впрочем, как и взростеть – тоже, оставаясь в душе милым ребенком.

Никакие тесты, анализы, электронная диагностика не могли выявить отклонения, в народе называемые «чужачеством» и «не от мира сего». Однако он и не думал расставаться с ней. И непонятно, что больше брало верх: любящий человек, защитник слабых или профессиональный врач.

Окружающие удивлялись, что их может связывать. За спинами укладкой шутили, что мега-доктор просто не мог оторваться от тяжелого случая, пока не добьется полного излечения. Но шутками сильно не увлекались: уважение к живой легенде брало свое.

Когда Влад был рядом, все было выстроено по полочкам. Однако чередой невинных поступков супруги выворачивала все наизусть.

Так в обиходе появились записки-инструкции: что нужно сделать с указанием времени и при необходимости места. Другие записки напоминали, чего категорически делать нельзя.

К примеру, перед важными встречами засиживаться у окна, отправляться на прогулку и в магазин, увлекаться сериалами и книжками. Потому что чудо-женщина может потерять счет времени, встретить кого-либо или встрять в нелепую ситуацию. Или просто забыть обо

всем на свете, а затем виновато хлопать глазками и странно смыкать губы, что в ее понимании улыбкой зовется.

Достучаться до затаившегося внутри здравомыслия не получалось. Лёля внимательно выслушивала, в чем она виновата (благо, без слез и истерик), после чего могла выдать совершенно не имеющую к ситуации фразу. Типа «А интересно, сколько лет Пирсу Броснану» или «Как долго лететь до Марса».

Муж сходил с ума, ходя из угла в угол, хватаясь за голову, бесконечно снимая очки, протирая и возвращая на нос. Грудь и живот тяжело поднимались под пиджаком, подтяжки впивались в круглое тело. В этом состоянии он напоминал Лёле гадкого гнома. Когда же супруг был добр и благодушен, то ассоциировался с «моим прекрасным Карлсоном».

Как-то она призналась, какие прозвища придумала Владлену Леонидовичу, что привело его в состояние ступора. И в дальнейшем, при различных семейных сценах он пытался угадать, как в этой головке, за загадочным выражением лица, повторяется «гадкий гном» или «мой прекрасный Карлсон».

В этот раз они поссорились серьезно. По мнению Лёли – повод был никчемный. Ну подумаешь, ответила по телефону, что ее милый муж купается в ванночке, поэтому не может сейчас разговаривать. Строгий мужской голос растерялся, затем стал подрагивать, сдерживая смех. А в медицинском университете еще долгое время посмеивались над главврачом, сравнивая с пупсиком.

Выходка вполне в духе Лёли. Но чаша терпения мужа оказалась давно переполнена. Чтобы пробить свою вечно загадочную Джоконду он пошел с козырей, попрекнув жену в отсутствие детей. Надавил на самое больное, добавив, что природа распорядилась разумно: кому нужна такая безмозглая мать.

У именитого мужа получилось достучаться. Лёля ушла в другую комнату и пролежала на кушетке до следующего утра, думая о том, как ей жить. Муж, конечно, прав. Он знает, что она не приспособлена для самостоятельной жизни. Но и так тоже жить нельзя.

Кто бы только знал, как часто она мечтала о другой жизни, счастливой, беззаботной, с детьми! При этом рядом почему-то оказывался не Влад, а школьная любовь Вовчик Смоляков. Будто упрек подсознания об упущенной возможности получить свой кусочек рая.

В свои 40+ она не теряла надежды на чудо, смирившись с нынешним альтернативным вариантом – с надежностью, благосостоянием и престижем, которые олицетворял ее муж.

Может, своими чудачествами она пыталась отгородиться от грустных мыслей – как могло бы быть *в другой реальности*?

Она чувствовала, что муж тоже не спал в эту ночь. Кто знает – может, и он думал о том, как могла сложиться его жизнь с другой женщиной.

Около восьми часов до Лёли доносились из-за двери обычные утренние звуки, которые прекратились хлопком входной двери. Когда все стихло, хозяйка продолжала лежать, ища ответ на свой главный вопрос.

Затем нехотя поднялась и подошла к окну. Машины супруга, конечно, не было на месте, водитель его отвез вершить великие медицинские дела. Редкие прохожие и автомобили появлялись на дороге, залитой солнцем. Лёля внезапно почувствовала, что ей тяжело дышать. Надо на воздух, срочно!

Быстро умывшись и почистив зубы, она вышла на улицу. Оглянулась вокруг и стала медленно наполнять легкие воздухом, поднимая вверх руки.

Когда она снова открыла глаза, то в стороне увидела промоутера. Лёля никогда не отличалась внимательностью, но она готова была поклясться, что минуту назад здесь никого не было. И вообще люди с листовками здесь не были замечены: не настолько ходовое место.

Молодой мужчина был явно смущен своей ролью. Возможно, это его первый выход, оттого и место он выбрал не самое удачное. Лёля направилась к нему, по доброте своей решив подбодрить новичка.

Вблизи он оказался старше, чем на расстоянии. Свободного кроя брюки, тенниска, кеды издали его молодили. Кудрявые русые волосы метались в разные стороны, поддаваясь порывам ветра, что делало его похожим на одуванчик. На носу очки в светлой оправе.

– Здравствуйте! – Лёля улыбнулась и протянула руку, которую незнакомец пожал. – Вы новенький?

– Что, так заметно? – собеседник немного смутился, волосы сильнее заметались вокруг вытянутого лица.

– Очень! – женщина приставила вытянутые пальцы к бровям, чтобы под этим козырьком получше рассмотреть собеседника. – Я Лёля.

– А я – Фей.

– То есть сказочный? – игриво улыбнулась она.

– Почти. Это часть имени и имиджа, – он подергал за кончики волос. Мелко выющиеся локоны к своим 10 сантиметрам прибавили еще треть.

– Рассказывай давай, чего сказочного можешь предложить?

Фей смущенно теребил флаеры, Лёля смогла разглядеть красивую картинку, большие надписи «Отпуск из мечты», «скидки», «рассрочка».

– Если честно, я привык в офисе работать, – Фей оглянулся по сторонам, а затем посмотрел на свою собеседницу. – В машине есть ноутбук, можем посмотреть туры. У нас и скидки, и рассрочка, – в знак подтверждения он поднял руку с яркими бумажками.

В отпуск Лёля не планировала. Точнее, не планировал ее муж, у которого расписано все по месяцам, неделям, дням, минутам. Домохозяйка не была привязана к важным мероприятиям, клиентам, да вообще ни к чему. А сейчас так хотелось исчезнуть, пропасть, испариться.

Главврач Прокопьев зарабатывал прилично, но жена не любила шиковать, довольствуясь привычными нарядами, обычной кухней, скромными повседневными тратами. В другом Лёля могла начудить, однако денежных вопросов это не касалось. Поэтому Владлен Леонидович со спокойной совестью держал деньги дома в сейфе и регулярно пополнял карточку жены, на случай, если ей захочется не только выпить чашечку кофе в симпатичном кафе, но купить, допустим, красивое платье.

Лёля даже представления не имела, сколько у нее скопилось на карте. Ей было достаточно знать, что деньги там есть. А ведь сумма могла оказаться приличной, даже для побега хватит.

– Приглашайте даму в свой кабинет на колесах! – театрально-величественно сказала она. Фей даже удивился, что в следующий момент она не подала руку для поцелуя.

Промоутер снова оглянулся по сторонам, галантно открыл дверь, стараясь держаться на расстоянии, на случай, если кто-то в этот момент подсматривает в окно. К ним могут прийти с вопросами, один из которых коснется расстояния между немолодой женщиной и незнакомцем: была ли возможность затолкнуть ее в салон. По этой же причине он подождал несколько секунд, прежде чем закрыть дверь за *клиенткой*, а затем не торопясь прошел на водительское сиденье. Вроде бы свидетелей не было.

– Это же так романтично! Бухта самой Афродиты! И где – на райском Ки-ипре, – Лёля даже закрыла глаза от удовольствия, представляя это.

Фей посмотрел на картинки в ноутбуке, где лазурное море опоясывало камни. Вспомнил свои ощущения от посещения этой достопримечательности. Спутница младшего брата точно заметила: Афродита была оч-чень темпераментной женщиной.

Пляж, где по преданию богиня любви вышла из пены морской, усеян крупными камнями, по которым без обуви больно ходить. Вода холодная, в отличие от остального побережья. Непокойное море пытается утащить туристов по резкому склону в свою пучину.

По местному поверью, бывать здесь полезно для красоты и здоровья. Гиды даже нашли этому объяснение: холод воды сохраняет молодость, а булыжники на берегу массируют стопы, нажимая на нужные «точки».

Лёля мечтательно улыбалась, закрыв глаза. А когда открыла, начала листать в поисковике другие картинки с Кипра.

С Владом они регулярно отдыхали. Но их отдых всегда был полезным и познавательным. Никаких *плебейских* пляжных туров, как бы этого не хотелось Лёле.

И вот сейчас она может осуществить свою мечту. Не только посещать достопримечательности и слушать интересные экскурсии, но и позволить себе просто вытянуться под ласковым солнцем и совершенно ни о чем не думать.

Вдруг она хохотнула. Фей не понял странной реакции.

– Вы знаете, у меня же нет купальника! Я даже не знаю, какие фасоны сейчас носят, – призналась она.

– Мне кажется, у вас прекрасная фигура, поэтому подойдет любой фасон, который понравится вам, – промоутер нисколько не лукавил.

Он всегда обращал внимание на физическую составляющую женского пола. И дамы, сохраняющие свою форму, у него всегда вызывали уважение.

– Есть еще одна просьба. Мне надо улететь как можно быстрее. Прямо сегодня! – Лёля умоляюще посмотрела на Фею. – Помогите, вы же сказочный.

– Посмотрим, чем можно помочь. Если вылет будет позже, то мы сможем помочь снять номер в гостинице или квартиру.

– Лучше квартиру, – закивала клиентка и, понизив голос, добавила: – И не на мое имя. Но все же прямо сегодня.

Она снова посмотрела на фотографии, уже счастливая оттого, что скоро окажется в этих картинках. И впервые в жизни пожалела о том, что у нее нет закадычной подруги, которая сейчас составила бы компанию.

Ирина должна была лететь с ней, но в последний момент возникли неотложные дела. В турфирме пошли навстречу, для подруги нашли место в самолете через сутки. И эти 24 часа Алисе предстояло провести одной.

Ей не было скучно. Наоборот, хотелось отдохнуть от всяких разговоров. Ковальская посмотрела на «мертвый» мобильник с отключенным международным роумингом. Она знала, что муж ее все равно найдет. Будет сердиться, ругаться. Но этот побег стоил того.

А как все начиналось! Знакомство на банкете после конкурса. Галантное поведение, а не животное стремление затащить королеву в койку, срубив мужской джек-пот. Опека и контроль, которые Алиса восприняла как каменную стену и надежное плечо. Первый Новый год, свадьба и золотая клетка, на которой становилось все больше прутьев и замков. И единственным кроме родителей человеком, вхожим в нее, стала подруга Ирина.

...Она продолжала наблюдать за белыми барашками на бирюзовой поверхности и вдыхать чистый воздух, наслаждаясь свободой. Странное чувство. Нет ни капли усталости после утомительной поездки. «Зеленый коридор» без очереди, дьюти фри без толкотни, посадка на рейс и сразу сон.

Алиса всегда завидовала тем, кто засыпает на взлете и просыпается, когда командир объявляет посадку. Они не ощущают неловкости и неудобства в кресле самолета. Зато к концу полета чувствуют прилив сил для начала отпуска. Сейчас она была одной из них – без капли усталости.

После трансфера, который также прошел незаметно, началось любование пейзажа с картинки, какие показывал менеджер в турагентстве.

Алиса с недоверием отнеслась к новой фирме под названием «Отпуск из мечты». Однако у Ирины нашлись свои аргументы. Новички все силы вкладывают в свою репутацию, делая все на 120%. Ценник ниже, чем у именитых конкурентов. И – главное – муж, имеющий отношение к турбизнесу, не сразу сможет найти «хвост».

Договор подруга оформила на себя, сама же и оплатила услуги.

– Если захочешь – потом отдашь, – беспечно прокомментировала она. – Хотя можешь не отдавать. Мне давно хотелось выбраться, а одной скучно.

– Но это же дорого, – возразила Алиса.

– Солнце мое королевское, что действительно дорого – так это дружба, – Ирина коснулась ухоженным наманекюрным пальчиком кончика носа подруги и подмигнула. – А друзьям всегда нужно помогать, особенно когда им это нужно.

Если бы не она, Алиса не решилась бы на такой отчаянный шаг. Единственное, что сейчас ее беспокоило, как бы гвардия мужа не нашла Ирину до вылета. Хотя та заверила, что у нее ей «план Б» на случай развития подобной ситуации: «Не поверишь, но я смогу исчезнуть бесследно!»

...– Ее нет, – сотрудник охранной фирмы, входящей в корпорацию «KOV», отчитывался начальнику, стоя в подъезде феешенебельной новостройки у квартиры №33. – И не было никогда.

Сотрудник охранной фирмы корпорации «KOV» был растерян. Он стоял у квартиры, где проживала Ирина Пономаренко, и звонил непосредственному начальнику:

– Ее здесь нет.

– Понятно, что на месте сидеть не будет. Проверьте квартиру, ищите след, не мне вас учить.

– Вы не поняли. Ее здесь и не было. Никогда не было. Живет другая молодая девушка с самого детства. Родители уехали на север по контракту, они в нефтянке работают. Соседи все подтвердили. Той Ирины они не знают, – растерянно отрапортовал подчиненный.

В трубке наступила тишина – шеф обдумывал сказанное.

– Оставайся на месте, я перезвоню.

Через полчаса в подъезде послышался шум. Алексей Ковальский не поверил услышанному. Оставалась одна надежда, что это недоразумение. Он ошибся адресом, а подруга жены прячется в другой квартире.

Увидев «генерала», ожидавшие охранники отшатнулись. Красный, свирепый, он походил на разъяренного быка.

Ковальский вышел из лифта и направился к нужной квартире. Та же дверь, те же цифры. На стене забеленное сердечко, когда-то нацарапанное ключом («*в школе у меня было много поклонников*»).

Звонок с дурацкой заезженной мелодией («*ностальгия, ничего с ней не поделаешь*»). В тот вечер Алексей еще спросил: зачем она звонит, если дома нет никого? Ирина грустно вздохнула: чтобы было ощущение, что кто-то ее ждет.

Он задумался, вспоминая подробности того вечера, не заметив открывшуюся дверь и сурово смотрящую на него девушку. Ей было около 25 лет, ровесница подруги жены. Светлые

спутанные волосы заплетены в косичку. Под взъерошенной челкой на носу большие очки, увеличивающие серые глаза. Домашняя серая мышка – в простеньком ситцевом халате, перетянутом пояском, шерстяных носках и старой, словно заимствованной у бабушки, кофте. Это не шик-блеск *той* Ирины.

– Еще один, – фыркнула хозяйка. – Мужчина, вы кто-о? Я уже объяснила товарищам в штатском: я – Ирина, и другой Ирины не знаю. Ошибочка вышла.

Алексей молча перешагнул порог, подошел к девушке и потянул ее подбородок вверх.

– Что вы себе позволяете? – та побледнела – больше от страха, а не от злости.

Пришедший молча рассматривал ее лицо. Он где-то слышал про мастеров перевоплощения. Хочешь – изобразят светскую львицу, хочешь – лохудру домашнюю. Но некоторые вещи не исправить.

Овал лица круглый, как и нос. Алексей бесцеремонно потрогал его: не муляж. У Ирины худенькое личико с остреньким подбородком.

– Уй, больно. Что же вы щиплетесь! – пискнула хозяйка. – Я ведь и милицию могу...

– Милицию не сможете, – оборвал на полуслове Ковальский.

– Это еще почему? – девушка побледнела, почувствовав угрозу.

– Потому что наша милиция – давно уже полиция, – спокойно ответил шеф.

Он продолжил осмотр девушки. Ей стало неловко под пытливым взглядом-рентгеном. Хозяйка была ниже и покруглее подруги жены. Пальпацию боков, правда, Ковальский не стал делать.

– Как твоя фамилия?

– Пономаренко.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся Ковальский. – Это не она, – он смотрел через толстые линзы в увеличенные серые глаза.

– Я же вам сразу сказала: о-шиб-лись, – девушка продолжала хорохориться, хотя и была испугана.

– А где она? – спросил Ковальский.

– Я не знаю, о ком вы говорите.

Алексей внимательно наблюдал за девушкой. Чутье подсказывало: не врет. Но во всей этой истории она как-то замешана. Ведь он был в этой квартире!

Незванный гость направился знакомым маршрутом в гостиную, убеждаясь в своей правоте. Все было прежним: воздушные шторы с наклеенными игривыми звездочками, шкаф с беспорядочно расставленными книгами, телевизор на низкой тумбочке и необъятный диван.

Ковальский прошел и сел по центру, как в тот вечер, почувствовав уютное нутро.

– Ну, рассказывай, – он взглядом указал на место рядом. Девушка присела на краешек.

– А что рассказывать? – стекла еще больше увеличили вытаращенные от испуга глаза.

– Кем работаешь, где родители, – Алексей механически перечислял вопросы, думая о своем.

– Работаю в рекламной компании, рг-специалистом. Родители уехали на вахту, в Югру. А я вот одна...

Ковальский поднялся, он помнил, что на полочке стояла большая красивая фотография симпатичной женщины с русыми волосами и мужчины с пробившейся сединой.

Они в очередной командировке. Когда-то в молодости поехали в суровые края за романтикой и большим рублем. Нашли друг друга и вместе продолжили любимое дело. Так рассказывала *та* Ирина.

Фотография оказалась на месте. Красивая и счастливая пара на северных просторах.

...– Это твои родители? – спросил Ковальский Ирину – ту Ирину – в тот вечер.

– У меня родители по контракту уехали работать. Трудятся в нефтянке, дело сами понимаете, какое прибыльное. Но я чтобы не заскучать и мозгам не дать заплесневеть, устроилась пиарщицей в рекламную контору.

– И как? Нравится?

Ирина пожала плечами:

– Работа творческая, интересная. Рекламодатели, правда, бывают занудами. Но в целом неплохо. На платья сама себе зарабатываю.

– А за уютом родители следят... – Алексей постучал по спинке дивана. – Хорошая вещь, добротная.

– Ой, с этим диваном вообще история вышла. Мой знакомый дизайнер делал ремонт у одного богатея, – Ирина тут же прикусила язык, поняв, что болтнула лишнего.

– Ничего, – добродушно улыбнулся богатый гость.

– Так вот. Заказали ему этот шикарный диван, а когда все было закончено – и отделка в квартире, и сам диван – хозяин решил сменить концепцию, сделав новый заказ. Дизайнер в шоке, все ж переделывать! И главное, куда девать диван? Жалко ж такое добро на помойку, куда бывший хозяин определил. Ведь дизайнер в него столько времени и нервов вложил, о чем только мне раз пятнадцать сказал. А мы как раз думали о своем ремонте. Посмотрели на диван, и все переделали под него.

Алексей оценил, как цвет стен, штор, ковра, мебели сочетается с полукруглым массивом посередине просторной гостиной и оценивающе покивал головой.

– Звездочки только я налепила. Просто так – вспомнилось детство, мои звездные обои и потолок...

Ковальский чувствовал себя одураченным, отчего начал звереть. Кто-то решил затеять с ним игру, выставить лохом. Он сжал свои кувалды-кулаки так, что побелели костяшки. Ирина инстинктивно отодвинулась подальше от него. Происходящее напоминало кошмарный сон, который неизвестно, как и когда закончится.

– Откуда этот диван? – спросил он хозяйку.

– Что? – ей показалось, что она ослышалась.

– Откуда этот диван? – сдерживая раздражение, Алексей повторил вопрос.

– Дизайнер знакомый буквально подарил, – девушка стала запинаться, решив, что все дело в хлявной мебели. Вот оно как аукнулось. – Сказал, что клиент отказался, богатый... Надо вернуть?... Или заплатить? – во взгляде хозяйки появилась надежда.

Ковальский проигнорировал вопрос.

– А звездочки сама налепила, детство вспомнив...

– Д-да, – растерялась Ирина. – Откуда вы знаете? – серые глаза буквально заполнили линзы очков.

В переселение душ, двойные миры, теории заговоров, мистику и прочую чушь Ковальский не верил. Всему есть простое объяснение, только нужно его найти. Он не знал, кто преступник и зачем затеял этот спектакль, больно странный и витиеватый.

И тут его словно хлестнули по щеке. А если режиссер – его жена? От этой мысли даже стало тяжело дышать.

– Шеф, все в порядке? – обеспокоенно спросил начальник охраны Степан Култышев.

Тому потребовалось несколько минут, чтобы вернуть хладнокровие.

– Где ты была две недели назад?

– Две недели? – Ирина задумалась и улыбнулась. – К подруге уезжала на свадьбу.

– Ключи оставляла кому-нибудь?

– Нет, конечно. Животных не водим, цветы не успели бы завянуть.

– Кто знал об этом?

– Подруга-невеста, – хозяйка стала загигать пальцы. – Родители, на работе отпроситься пришлось...

Ковальский обдумал услышанное.

– Значит так. Ты, – он обратился к Ирине, – сейчас оперативно вспоминаешь, кому рассказывала про свои звезды, диван, свадьбу, невесту. И где пересекалась с двумя девушками...

– Двумя? – не понял Култышев.

– Да. Ириной и... Алисой, – последнее слово ему далось с большим трудом. – Покажи ей фото из инстаграмма, она постоянно что-то постит.

Степан начал быстро перебирать пальцами по сенсорным кнопкам смартфона. Затем потряс телефон. Подошел к окну, повторил действия, и растерянно повернулся к Ковальскому:

– Его нет. Инстаграмм Алисы удален.

Алисе очень хотелось сделать несколько снимков и поделиться всей этой красотой с подписчиками, которых набралось более десятка тысяч. Она давно была зарегистрирована в соц-сетях, просто так – за компанию, хотя *раньше* была равнодушна к ним.

На конкурсе красоты же она увидела, как девчонки активно пиарят себя и призывают голосовать, чтобы обеспечить минимум ленту «Мисс зрительских симпатий».

Фотографировать каждый миг и бесконечно селфиться Алиса не стала, ограничившись несколькими снимками, добавив в описание хэштеги, как у других. И удивилась, когда на нее стали подписываться незнакомые люди, оставлять комментарии. А в ночь после объявления результатов телефон чуть не взорвался от числа уведомлений. Ее поздравляли, ею восхищались, ей желали дальнейших побед.

Алиса полюбила своих поклонников, и они отвечали взаимностью, щедро ставя лайки под ее милыми фотографиями и оставляя приятные комментарии. На фоне этой идиллии число подписчиков росло, и благодаря им королева чувствовала себя не такой одинокой. До появления Ирины. Она снова улыбнулась, вспоминая озорной блеск в глазах подруги и ее улыбку-сердечко.

Алексей сразу почувствовал, что появился кто-то третий, добавив в без того непростые отношения натиск ревности. Он не понимал, зачем нужны подруги, ведь им хорошо и вдвоем, посторонние лишь для сплетен и разлада. Алиса с трудом настояла на знакомстве с Ириной, неделю пребывая в позитиве от своей победы.

Вечер прошел великолепно. Подруга была на высоте – шутила, блистала умом. Однако не заигрывала с чужим мужем и не заставляла законную супругу чувствовать себя лишней в уютной нише дорогого ресторана.

Алиса только диву давалась, как та удачно выбрала тон общения, чтобы знакомство было успешным. Она ж немногим старше студентки, но Ковальская чувствовала себя маленькой девочкой, которой еще учиться и учиться тонкостям психологии.

Алиса не знала, что накануне ужина Ирина чувствовала себя такой же маленькой неопытной девочкой. Единственной ученицей в классе строгого наставника. Или целой экзаменационной комиссии, которая отпустит лишь тогда, когда она будет знать свой предмет на «отлично».

Они сидели в небольшой переговорной. Так громко называли маленькое помещение с «хрущевскую» кухню, имеющее все оттенки серого: со светлыми потолком и жалюзи, темными стенами, почти черной мебелью.

Ирина устала. Ей хотелось расплакаться, послать всех к чертям и уйти, хорошенько хлопнув дверью. Чтобы все предметы задребезжали и что-нибудь с грохотом упало. К примеру, та

массивная рамка с каким-то документом, с указанием местной администрации в шапке, размашистой подписью и печатью внизу.

Мелкий шрифт она не могла разобрать, чтобы понять – что такого важного написано на листке, раз его поместили в рамку и поставили на видное место.

– Ирина, не отвлекайся, – перехватил ее взгляд один из сидящих напротив. – Ты пойми, мы не хотим тебя замучить до смерти, а подготовить к более серьезной «полевой» работе, чтобы ты смогла справиться с заданием. До этого были репетиции основного выхода, с ними ты справилась великолепно. Но сейчас предстоит сцена не областного театра, а Кремлевского дворца. Понимаешь?

Девушка кивнула, чувствуя, как глаза наполняют слезы – жалости к самой себе. Защитная реакция и намек прямым текстом, что предел достигнут. Хватит, хорош, пора ее отпустить! На вечер были планы затусить с друзьями в клубе, сейчас в голове крутился один маршрут: домой, к подушке, в которую можно от души помолотить руками и выплакаться.

Гений (его все называли именно так) раздраженно хлопнул по темной столешнице в кабинете переговоров, что круг от настольной лампы стал покачиваться. Посмотрел внимательно на компаньона и молча вышел, громко открыв и закрыв за собой дверь.

Слезы предательски стали падать вниз, на новенькую юбочку светло-салатового цвета. Ирина пыталась их стереть с лица, но поток пробивался через пальцы и оставлял новые следы.

– Ах ты ж споди, – засуетился второй, оставшийся в кабинете.

Он застучал ящиками. Чудо, но в одном из них нашлись салфетки. Всю пачку он протянул Ирине, казавшейся сейчас несчастный ребенком с поникшей головой и плечами. Ученица с благодарностью приняла стопку белых квадратиков и, все реже всхлипывая, начала успокаиваться.

– Вот и умница. Давай, вытирай свои слезы, и снова пройдемся, – он сел на край стола напротив Ирины. – Ты должна быть готова ко всему и быть естественной. Нужно не просто понравиться самодовольному мнительному властелину своей вселенной, а заслужить его доверие, стать вхожей в его дом. А у него могут возникнуть разные вопросы.

Ирина закивала, понимая его правоту. И то, что ей хотят лишь помочь, а она тут устроила истерику, показав свою слабость. Причиной тому была не только усталость, но и страх: что этот могущественный человек сделает с ней, узнав об истинных намерениях?

– Давай еще раз. Я раздраженный уставший муж, которого молодая жена притащила в ресторан, чтобы познакомить с подругой, а подруг отродясь не было, – он театрально рисовал ситуацию. – Его бесит уже то, что она – подруга, то есть – вообще-то появилась на горизонте. И этот вечер он планирует направить на то, чтобы отбить у нахалки всякое желание общаться с его супругницей, а у супругницы всяческое желание впредь заводить подруг. И ты будешь как торреадор на корриде со здоровым разъяренным быком. Все поняла?

Ирина закивала.

– А теперь отвечай: какого черта тебе надо от его жены, если у вас ни черта общего...

... – Не порите херню про дружбу, – Алексей действительно не собирался скрывать своего раздражения.

Алиса поникла и с надеждой посмотрела на подругу, в глазах мелькнуло отчаяние: все кончено. Та грациозно держала пузатый бокал с красным вином, выражая явное спокойствие. В полумраке блестели ее глаза в обойме густых ресниц, блеск на губах, ухоженные ногти и изящные украшения.

Цепочку с кулончиком, удлиненные серьги, пару колец отбирали его наставники. Никакой вульгарности, лишь демонстрация вкуса и наличие финансов за душой. Лимиту муж точно выгонит взащей, решив, что все дело в его деньгах.

– В этом месте я должна начать оправдываться? – Ирина спокойно отреагировала на его грубость, улыбнулась и пригубила вина.

Муж на секунду растерялся. Он привык к подчинению, беспрекословности, страху, поэтому подобный ответ был сродни нахальству. Пока Алексей не накрутил себя, в том числе по поводу дурного влияния на его жену, Ирина продолжила:

– Что вас так тревожит? Ваша жена стала меньше бывать дома? Тратить больше денег? Стала хуже относиться? У нее появились дурные привычки? – Ирина снова беззаботно пригубила вина и миролюбиво посмотрела на собеседника. – Или я кавалер, пытающийся увести чужую женщину? – она снова пригубила вино. – У вас прекрасная жена: красивая, умная, воспитанная. Нет повода для ревности и сомнений. Как и возможности для того, чтобы больше проводить с ней время. Лишний раз сходить на выставку, к примеру. Бизнес мужчине наверняка дороже искусства, если не жить им и не делать на нем деньги.

Алексей мысленно согласился. Добавив про себя, что и не собирается разбираться в мазне, от которой млела молодая жена. И считает чокнутыми тех, кто отдает за неё бешенные деньги. За исключением работ великих художников, которые нужны лишь для престижа. В остальных случаях это лишь малая часть интерьера, но не его центральная часть.

– Я предлагаю приятно провести этот вечер. Позвольте себе просто отдохнуть, а не смотреть на часы и мобильник, – Ирина протянула свой фужер, чтобы закрепить свои слова звоном от столкновения других бокалов.

Вечер действительно прошел приятно. Ирина оказалась не только хорошенькой, но умной и веселой. Как долго он потом вспоминал ее темные кудряшки, колыхающиеся вокруг остренького личика.

После небольшого пиршества с танцами подруга пригласила к себе домой на продолжение банкета. Расслабленный от алкоголя и непринужденной обстановки Алексей неожиданно согласился.

Так он оказался в 33-ей квартире – с той же обстановкой и историей. Однако в которой не было места той Ирине – симпатичной, жизнерадостной, остроумной, умеющей себя преподнести.

Спустя две недели Алексей, отбрасывая матерки, пытался сосредоточиться на том, что произошло и откуда дует ветер.

Ирина – или как ее звали на самом деле – девушка при мозгах, но мотив ее непонятен. Деньги? Ревность? Мечь?

Ревность – её можно отместить. Раньше Алексей с ней не пересекался, такую девушку он бы запомнил и после мимолетной ночи. Может, у нее и появилась мысль в дальнейшем занять место скромной Алисы, Алексей помнил огоньки в ее глазах. Но в любом случае это не была первопричина.

Он не сомневался в четко спланированных действиях с продуманной легендой и замещением реального человека, чтобы оттянуть момент идентификации. Ну ничего, ахаровцы уже найдут пташку.

Мечь? Алексей мысленно перебрал людей, которым он переходил дорогу. Таких оказалось немало. Борьба в основном касалась бизнеса. Впрочем, почему в основном – всегда.

С некоторыми конкурентами в дальнейшем стали партнерами, с другими пути давно разошлись. Если мечь и должна быть холодным блюдом, то она уже не только остыла, но и замерзла. Оставалось еще несколько человек, с кем они шли вровень, деля те или иные куски финансового пирога. Но те бы действовали по-другому.

Деньги? Тут напрашивается один вариант – похищение с целью выкупа. Конечно, даже детям известно, что владелец «заводов-пароходов» имеет солидные суммы. Но найдутся ли

отчаянные смельчаки, готовые на рискованную аферу? Ведь все также знают о его темпераменте: он не успокоится, не отомстив. Алексей задумался, возможных кандидатов не приходило.

Действовали явно не гастролеры, – свои, здешние, кто в теме. Знали не только кого похитить, но и как это сделать. Кто же твой напарник, Ирина? Или ты ангажированная актриса?

Гений зашел в ее комнату, за окнами которой звучала природа. Она инстинктивно села, выпрямив спину, словно вновь оказалась в первом классе у строгой учительницы Марии Ивановны, борющейся не только за отличные оценки, но и прямую осанку.

Ирине показалось, что он на нее смотрит брезгливо, как на отработанный материал с невнятным будущим. После всего ей нельзя светиться – это понятно даже ни разу не бравшим в руки детективов. С другой стороны, всю жизнь она не сможет отсиживаться в глухомани.

Пришедший – *волк в овечьей шкуре* – смотрел на нее несколько секунд, казавшихся вечностью. Она не знала, что последует дальше: хороших или плохих вестей ей ждать. И когда он потянулся во внутренний карман – неторопливо, продляя собственное удовольствие от ее страха – сердце замерло. Ирина на эти мгновенья забыла, что нужно дышать.

Она с ужасом следила за движением руки, финалом которого мог стать финал ее жизни.

Из-под ткани ветровки отчетливо проглядывалось, как гость взял что-то удлиненное. Вторая рука стала вытаскивать железный предмет, блеснувший от редких лучей солнца. Ирина с ужасом ждала продолжения. Сейчас вся жизнь должна пролететь перед глазами, но что-то внутри нажало на паузу – ни вперед, ни назад не отмотать.

Изверг зло ухмыльнулся, продолжая наслаждаться моментом. Его удивило, что Ирина впала в ступор, а не стала сопротивляться, как дикая кошка. Второй вариант был более характерен для неё. Что происходит? Она боится, устала, впала в депрессию или апатию? Ни один из этих трех пунктов не сулил ничего хорошего. Может, еще подлечить? Гений сморщился: еще тратить силы.

– Ладно, расслабься, – изменившийся оскал (*«оборотень»*, – снова подумала Ирина), видимо, выразил улыбку. – Я ж подарки тебе привез.

Он вытащил из одного кармана продолговатую коробочку, из второго – ножницы. Девушка не сразу поняла, что это такое.

– Причешись как-нибудь сама, – пришедший развернул *презент* с фотографией счастливой блондинки. – Краску подольше поддержи, чтобы на нее стала похожа.

Ирину затрясло. Ей все больше казалось, что это дурной сон. Она протянула руку, чтобы убедиться в своей догадке. Пальцы уперлись в картонную коробку. Нет, не сон. Она осторожно взяла краску для волос и ножницы, уставившись на них, будто в жизни ничего подобного не видела.

– Все так плохо? – сипло спросила она, в горле пересохло.

Оборотень вернул овечьё обличье, в котором был на людях, и неопределенно пожал плечами.

Ирина снова посмотрела на краску и ножницы.

– А он придет? – с надеждой спросила она.

– Пока нет. Много работы – ты же знаешь, – он внимательно посмотрел на скучающую, затем ухмыльнулся *оскалом*: – Да не переживай ты так. Успеешь почпокаться со своим. А пока подумай о предстоящем задании. Будь умницей, и все будет хорошо.

Она коротко кивнула, не поднимая глаз, чтобы *оборотень* не видел, как они наполняются слезами. *Почпокаться!* Слово-то какое гадкое, мерзкое, противное. У них все серьезно. И она не девочка на одну ночь, а невеста. Только из-за этого статуса она согласилась на опасную аферу, решив сыграть с одним из самых могущественных людей в городе.

Оставалась одна надежда, что с Алисой все в порядке. Ей не сделают плохо, больно. Они же обещали!

Сердце заныло за подругу. Недаром эти двое учили, как держаться с объектом – на расстоянии, без эмоциональной привязки. Не получилось. Они по-настоящему сдружились. Не только Алиса восполнила свой пробел в подругах, но и Ирина.

Она подошла к зеркалу. В отражении вместо задорной девчонки показалась уставшая, повзрослевшая женщина с посеревшим цветом лица. А вокруг глаз – о нет! – появились морщинки.

– Мои морщинки! Их стало меньше! – Инесса Валерьевна стояла напротив большого зеркала в гостиничном номере и глазам своим не верила.

В ее возрасте давно привыкаешь к паутинкам на коже. Меньше их не становится, правда, у них появляются два состояния: либо внутренний свет их разглаживает изнутри, либо переживания берутся за впадины и начинают тянуть их внутрь, оставляя серость на поверхности.

Сейчас Инесса Валерьевна словно сбросила десяток лет. Давно надо было выбраться из своего уютного, но будничного гнездышка, над которым коршуном вьется ее чиновница-дочь.

Что-то кольнула внутри. Совесть? Женщина прислушалась к своим ощущениям – да нет, не то. Конечно, нехорошо она поступила, удрав в другую страну. Однако дочь со своей гиперопекой посадила бы под стражу мать-пенсионерку, если бы та только заикнулась о поездке.

И все же это не то. Инесса Валерьевна еще раз посмотрела на себя в зеркало. Посвежела, похорошела, можно одинокого дедулю себе присмотреть. Она улыбнулась, вспоминая, как могла легко вскружить голову кавалерам в своей далекой юности. Но даже воспоминания о тех вечерах, когда она грациозно танцевала под гармошку, не ослабили укол.

Она поняла, в чем дело. Страх, спрятанный внутри под замком, отчаянно рвался наружу. И если рассудить здраво – *здрavo!* – все признаки главной опасности налицо.

От неожиданного осознания, что худшее все же наступило, подкосились ноги. Инесса Валерьевна едва успела сделать шаг, чтобы сесть на кровать, а не рядом с ней. Внутри тревожно ухало сердце. Еще только этого не хватало. Женщина стала массировать ребра, получавшие толчки изнутри. Только не здесь, только не сейчас.

Инесса Валерьевна сделала глубокий вдох и посмотрела на столешницу, где обычно оставляли воду. Бутылка оставалась запотевшей. Придерживаясь за кровать, она подошла, чтобы выпить все целиком.

Затем рухнула на стул, снова посмотрела на себя в зеркало. Паутинки вернулись на место, замерев в дурном предчувствии.

– Это все-таки случилось, – еле слышно произнесла женщина. Ей важно было сказать это вслух, чтобы действительно пришло осознание реальности.

Она хорошо помнила, как выходила из своей квартиры, перекрыв перед этим воду и тщательно закрыв дверь. Она помнила, как подъехала машина туристического агентства. За рулем сидел парень в кепке, из-под которой выбивались кудрявые волосы. Он занес багаж женщины в белый микроавтобус, где спали молодая красивая девушка, похожая на модель, и крепкий парень.

– Проходите, – шепотом сказал сотрудник.

– А что с ними? – удивилась путешественница.

Парень воровато оглянулся, чтобы убедиться, что рядом никого нет. Инесса Валерьевна тоже оглянулась – убедиться, что за ней нет хвоста *от дочери*.

– Спят, – сотрудник приложил указательный палец к губам. – Сами видите: молодежь. Взяли моду на дискотеках полночи отплясывать, чтобы отсыпаться по пути. Да вы присаживайтесь, недолго терпеть спящую компанию. А может быть, присоединиться захотите.

– Ох, молодо-зелено, – понимающе закивала женщина и снова оглянулась, сотрудник сделал то же самое.

– Ну что, поехали? Отдых сам не наступит, – парень галантно протянул руку, чтобы помочь пенсионерке забраться внутрь.

Среди пассажиров оказался один бодрствовавший.

– Доброе утро, – громко прошептала Инесса Валерьевна и улыбнулась другому молодому мужчине. Несмотря на кепку с большим козырьком, лицо показалось ей знакомым.

– Доброе утро, – прошептал он и приложил палец к губам.

Пожилая пассажирка понимающе кивнула, проведя большим и указательным пальцем вдоль своих губ, закрыв их на замочек. Не удержалась и снова украдкой посмотрела на бодрствующего. Все же она его где-то видела. И почему-то вспомнилась дочь.

Взгляд этот не остался незамеченным и пассажир, как показалось пенсионерке, напрягся. Она улыбнулась и отвернулась к окну. Где она его видела? Может, он просто похож на какого-нибудь актера из рекламы или сериалов? Вспомнить Инесса Валерьевна не смогла.

Не могла четко вспомнить и далее происходящее. Все как в тумане: аэропорт, самолет, приезд в отель. Она знала последовательность, но не могла извлечь из памяти хоть одну деталь. Как объявили их самолет? Кто сидел рядом в кресле? Кто ее встречал в чужой стране? Свои первые впечатления? В конце концов, как она оказалась на экскурсии, с которой только что вернулась? Как осматривала достопримечательности и как ее привезли в отель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.